

ОМОМОРФЕМНОСТЬ КОМПОЗИТОВ В СЛОВАРЕ И ТЕКСТЕ

А.В. Петров

В статье исследуется омоморфемность второго компонента сложных слов на материале имен существительных и прилагательных, описываются разные их структурные типы. Наблюдения свидетельствуют об актуальности изучения структуры композитов для лексической семантики, словообразования, лексикографической практики, психолингвистики и художественной речи.

Ключевые слова: омонимия, омоморфемность компонентов, теория восприятия, морфемно-семантическая комбинаторика.

У статті досліджується омоморфемність другого компонента складних слів, зокрема іменників та прикметників, описуються різні структурні типи їх. Спостереження свідчать про актуальність вивчення структури композитів для словотворення, лексикографічної практики, психолінгвістики та художнього мовлення.

Ключові слова: омонімія, омоморфемність, теорія сприйняття, морфемно-семантична комбінаторика.

In article the author provides an examination of homomorphemy as a phenomenon, with compound nouns and adjectives being the material of study. Under study is homomorphemy of composites' second components, its various structural types are described. Research into the structure of compounds is a burning issue for lexicographic practice, psycholinguistics and the language of fiction literature.

Key words: homonymy, homomorphemy, the theory of perception, morphemic and semantic combination.

Омонимия в сложных словах – явление непродуктивное, представленное небольшим списком слов. Например, в словаре О.С. Ахмановой насчитывается всего лишь семь омонимичных пар имен существительных и четыре – имен прилагательных [1]. Некоторые исследователи рассматривают многие из них в границах многозначности [П.А. Соболева, Т.Г. Кикинежди].

«В области словосложения к лексико-семантическим омонимам следует отнести, по-видимому, следующие группы слов: 1. Композиты, отражающие омонимичность одного из членов мотивирующего словосочетания: *полусвет* 1-2 (от *свет* 1 «освещение» и *свет* 2 «общество»). 2. Композиты, созданные на базе созвучных, но не омонимичных и не однокоренных слов, основы которых совпадают, когда они участвуют в словообразовании: *самокрутка* 1-2 (от *крутить* и от *окрутиться*). 3. Сложные слова, омонимия которых возникла вследствие того, что слово в одном из значений полностью утратило свою внутреннюю форму, соответственно утратив какую бы то ни было связь с другим значением: *зверобой* (охотник, кто бьет зверей) – *зверобой* (растение)» [2, 149 – 150].

О.М. Соколов предложил определять разновидности лексических оппозиций, в том числе полисемию и омонимию многоморфемных глагольных слов, на основе морфемно-семантической комбинаторики: «Комбинационное морфематическое сопоставление глагольных лексических единиц целесообразно производить, исходя из трехчленной структуры этой части речи, т.е. учитывать отношения префиксальной, корневой и суффиксальной морфем» [3, 83]. Морфемно-семантическая комбинаторика дает возможность выявить степень участия дискретных морфем в формировании семантико-грамматических различий внутри данной лексемы.

Принцип морфемно-семантической комбинаторики, предложенный О.М. Соколовым, мы приложили к исследуемому материалу. Комбинаторному сопоставлению подвергались корневые и суффиксальные морфемы, а также

композиционные элементы. В анализируемый массив сложных лексем вошли единицы, которые во многих словарях квалифицируются как омонимы: *новосадка*, *самосадка*, *самокрутка*, *бумагодержатель*, *миноискатель*, *самострел*, *газоход* и др. Методика морфемно-семантического анализа включает в себя следующие четыре пункта.

1. Определение лексических значений композитов.
2. Установление их мотивационных отношений и выделение синтагм.
3. Морфемно-семантическое сопоставление первых и вторых компонентов сложений.
4. Подведение итога; при этом используются условные обозначения: + (плюс) – для тождественных морфем; – (минус) обозначает, что морфемы имеют разные, не связанные друг с другом значения; +- (плюс с минусом) свидетельствует о варьировании семантики морфем.

Проанализируем в соответствии с предложенной методикой сложные слова с совпавшим морфемно-графическим составом: *самосадка*, *новосадка*, *самострел*.

САМОСАДКА

1. *Самосадка* «табак собственного посева и домашней обработки» – *самосадка* «спец. Соль, осаждающаяся естественным путем в соляных озерах».
2. Самосадка ← сам + -о- + сад(ить) + -к- + -а; сам садит.
Самосадка ← сам + -о- + сад(иться) + -к- + -а; сама осаждается.
3. Первые компоненты анализируемых лексем, согласно МАСу, совпали по значению: «САМО...Первая составная часть сложных слов, обозначающая совершение действия произвольно или самостоятельно, без посторонней помощи».

Корень *-сад-* в первом случае передает значение по мотивирующему глаголу *садить* «зарывать в землю корни саженцев, семена, клубни, луковицы и т.п. с целью выращивания растений». Морфема *-сад-* во втором композите имеет значение, соответствующее мотивирующему глаголу *садиться* «оседающая, сгущаясь, опуститься к поверхности воды, земли». Лексемы *садить* и *садиться* не связаны семантико-словообразовательными отношениями: *садиться* обозначает несоев. вид к *сесть* «оседающая, сгущаясь, опуститься к поверхности земли, воды». Таким образом, вторые корневые элементы композитов восходят к разным семантически не связанным глаголам и являются, следовательно, омонимичными. Суффикс *-к-* в композитах имеет абстрактное грамматическое значение.

4. Самосадка («табак») – самосадка («соль»): +/ –/ +.

НОВОСАДКА

1. *Новосадка* «что-л. вновь посаженное» – *новосадка* «спец. Сорт поваренной соли, добываемой из соляных озер».
2. Новосадка ← нов(ый) + -о- + сад(ить) |д' – д| + -к- + -а.
Новосадка ← нов(ый) + -о- + сад(иться) |д' – д| + -к- + -а.
3. Для вторых компонентов композитов характерны аналогичные отношения – отношения корневой омонимии и суффиксального тождества. Первые композитные части выступают как лексико-семантические варианты:

новосадка «что-л. вновь посаженное» ← новый «впервые созданный или сделанный»;

новосадка «сорт поваренной соли» ← новый «этого года».

В отличие от первого внутренняя форма второго композита не отражена в толковании. Значение первого компонента мы определили, опираясь на энциклопедические данные. Так, в «Гидрологическом словаре» А.И. Чеботарева

отмечено: «*Новосадкой* называется соль, выпавшая в течение данного года и находящаяся в виде рыхлого слоя на дне или выброшенная волнами на берега в виде валов. При изменении условий *новосадка* может полностью или частично вновь раствориться. Нерастворившаяся *новосадка* уплотняется и переходит в *старосадку*».

4. Новосадка «что-л. вновь посаженное» – новосадка «спец. Сорт поваренной соли, добываемой из соляных озер»: + –/ –/ +.

САМОСТРЕЛ

1. *Самострел* «старинное оружие – лук для метания стрел и камней» – *самострел* «ранение, умышленно нанесенное солдатом самому себе (с целью уклонения от военной службы)».

2. Самострел ← сам + -о- + стрел(ять) |л' – л| + -Ø-; стреляет сам.

Самострел ← сам + -о- + стрел(ять) |л' – л| + -Ø-; стреляет сам в себя.

3. Первые компоненты сложений находятся в отношениях семантического варьирования: *самострел* («лук») ← сам «обозначает совершение действия произвольно или самостоятельно, без посторонней помощи»; *самострел* («ранение») ← сам «обозначает направленность действия (называемого во второй части слова) на самого себя».

Для вторых корневых элементов также характерны отношения семантического варьирования: *самострел* («лук») ← сам + -о- + стрелять «выпускать стрелы»; *самострел* («ранение») ← сам + -о- + стрелять «производить выстрелы».

4. Самострел «лук» – самострел «ранение»: + –/ + –/ +.

Таким образом, омонимичным является сложное слово, у которого хотя бы один из композиционных элементов является омонимичным (*новосадка* 1 – *новосадка* 2, *самосадка* 1 – *самосадка* 2). Например, в парах *многоцветный* 1 (*многоцветная ткань*) – *многоцветный* 2 (*многоцветное растение*) первые компоненты абсолютно тождественны по семантике (+), а вторые – являются омонимичными (-); в парах *зверобой* 1 («охотник на зверей») – *зверобой* 2 («растение») первые компоненты являются омонимичными (-), а вторые – представляют различные ЛСВ глагола *бить* (+–). Омонимы *коновод* 1 – *коновод* 2 примечательны тем, что и первые, и вторые композиционные части соотносятся с разными словами (*конь* и *кон*, *разводить* и *водить*), однако различия на уровне мотиваторов не отражены в фонетико-орфографическом комплексе дериватов. Один тон → *однотонный* 1 «звучащий в одном и том же тоне; однозвучный, монотонный» (однотонное пение) – одна тонна → *однотонный* 2 «предназначенный для перевозки груза в одну тонну» (однотонный грузовик); много цвета → *многоцветный* 1 «окрашенный в несколько цветов; имеющий разнообразную окраску; разноцветный» (многоцветное панно) – много цветков → *многоцветный* 2 «имеющий много цветков; многоцветковый» (многоцветное растение); две жилы → *двужильный* 1 «состоящий из двух жил» (двужильный провод) – два жилья → *двужильный* 2 «имеющий два жилья, примыкающий друг к другу или расположенный одно над другим» (двужильная изба); один знак → *однозначный* 1 «спец. Имеющий один знак, состоящий из одного знака» (однозначное число) – одно значение → *однозначный* 2 «спец. Имеющий только одно значение» (однозначная функция); много знаков → *многозначный* 1 «состоящий из нескольких цифровых знаков» (многозначное число) – много значений → *многозначный* 2 «имеющий несколько значений» (многозначное слово).

Может наблюдаться различие в членении второй части адъективов:

один член → одночленный 1 «спец. состоящий из одного члена» (одночленное предложение) – одночлен «спец. Алгебраическое выражение, в котором последнее по порядку действие не есть сложение или вычитание» → одночленный 2 «представляющий собой одночлен» (одночленная формула); аналогичное явление наблюдается в однокоренных именах прилагательных: суходольный ← суходол + -н- + -ый «прилагательное к суходол» (суходольные луга) – двудольный ← два + доля + -н- + -ый «состоящий из двух долей, с двумя долями» (двудольные растения); тугоплавный ← туго плавиться «техн. Такой, который плавится при очень высокой температуре» – ледоплавный ← ледоплав «прост. Относящийся к ледоплаву»; много слогов → многосложный 1 «состоящий из нескольких слогов; о слове, стихотворном размере» (многосложный размер) – много + сложный → многосложный 2 «чрезвычайно сложный» (многосложные обстоятельства).

При лексико-семантическом варьировании корневых и суффиксальных морфем для композитов характерна многозначность (*самострел 1 – самострел 2*). Использование морфемно-семантической комбинаторики помогает разграничить наиболее трудные пары лексических единиц и обосновать их место на шкале омонимия – полисемия. Предлагаемую методику анализа можно применять не только к отдельному сложному слову, но и к его составным частям.

Исследуя производные и непроизводные омонимы в различных частях речи, В.В. Виноградов вводит понятие оморфемности производных основ и анализирует их разные структурные типы. Ученый подчеркивает, что «в словах с производной основой омонимия определяется не только резкими различиями основных, предметных значений, но и общими закономерностями образования омонимов, присущими данному языку, а также законами связи и соотношения разных словообразовательных и семантических категорий и оморфемностью композиционных элементов. Ср., например: *коновод* (с основой первой части *конь*) и *коновод* (от *кон* – «зачинщик, вожак»)» [4, 293]. Таким образом, исследователь анализирует сложные слова с точки зрения оморфемности первого или второго компонента.

По мнению В.В. Виноградова, «именно морфология должна включать в себя учение о живых и продуктивных типах как омоформии, так и частичной, а также производной омонимии. Грамматика должна ответить на вопрос, почему в данной языковой системе не осуществляются, не реализуются те или иные виды омоформии, частичной и производной омонимии и что и почему выступает в качестве их замены» [5, 16 – 17].

В.В. Виноградов, описывая оморфемность производных основ на материале имен существительных и глаголов, выделил разные структурные типы омонимов [5]. Эти же типы наблюдаются при исследовании оморфемности вторых компонентов сложных слов.

1. Омонимия вторых компонентов восходит к омонимичным мотиваторам: *гуртоправ* ← править 1 гуртом – *пилоправ* ← править 2 пилы; *лесосплав* ← сплав 1 леса – *железосплав* ← сплав 2 железа; *дырокол* ← колоть 1 дыры – *ледокол* ← колоть 2 лед; *кинопрокат* ← прокат 1 кинофильмов – *рельсопрокат* ← прокат 2 рельсов; *разноцвет* «что-либо разноцветное, разнообразие цветов, окраски чего-л.» ← разный цвет 1 – *пустоцвет* «цветок, не дающий плодов» ← пустой цвет 2; *водоток* «общее название для естественных и искусственных потоков – рек, каналов и т.п., имеющих свободную водную поверхность» ← ток 1 воды – *зерноток* «площадка для молотбы зерна» ← ток 2 для зерна; *авторучка* «ручка

для письма, в которой чернила автоматически подаются к перу» ← автоматическая ручка 1 – белоручка «разг. Тот или та, кто избегает грязной, грубой работы, физического труда или не привык к серьезному труду» ← белые ручки 2; гостинодворец «купец в дореволюционной России, имеющий магазин в гостином дворе» ← гостиный двор 1 – царедворец «вельможа при царском дворе, придворный» ← царский двор 2.

Рассматриваемое явление не характерно для имен прилагательных. Существуют единичные случаи: кругосветный ← кругом света 1 «совершаемый вокруг земного шара» (*кругосветное плавание*) – газосветный ← газ + свет 2 «такой, в котором используется свечение газов или паров, возникающее в результате электрических разрядов» (*газосветная трубка*).

2. Вторые компоненты соотносятся с разными семантически не связанными лексическим единицам:

одноцветный ← один цвет «окрашенный в один цвет» (*одноцветный платок*) – мелкоцветный ← мелкий цветок «с мелкими цветками» (*мелкоцветный тысячелистник*); трехцветный ← три цвета «имеющий в своей окраске три цвета, состоящий из трех частей различного цвета» (*трехцветный флаг*) – крестоцветные ← цветок в виде креста «название семейства двудольных растений с цветками из четырех лепестков, расположенных крест-накрест»; двуполый ← два пола «соединяющий в себе признаки мужского и женского пола» (*двуполое существо*) – трехполый ← три полы «имеющий три полы» (*трехполый шатер*) Ср. парадигмы *обоеполый, разнополый, раздельнополый - долгополый, короткополый, широкополый*, в которых первые компоненты композитов сигнализируют о различных мотиваторах; *одножильный* ← одна жила «спец. Состоящий из одного проводника – из одной проводящей жилы» (*одножильный провод*) – *двужильный* ← два жилья «имеющий два жилья, примыкающих друг к другу или расположенных одно над другим» (*двужильная изба*); *трехпарный* ← три пары «состоящий из трех пар» (*трехпарная повозка*) – *высокопарный* ← высоко парить «отличающийся высоким слогом; напыщенный» (*высокопарные стихи*).

У имен существительных семантически не связанные единицы в составе мотивирующего словосочетания могут относиться к разным частям речи:

а) глаголам: *пароплав* ← плавать при помощи пара по воде – *стеклоплав* ← плавать стекло; *волкодав* ← давить волков – *жизнедав* ← давать жизнь; *крохобор* ← брать крохи – *духобор* ← бороться против божественности Святого Духа; *богомолье* ← молиться богу – *мукомолье* ← «молоть зерно на муку»; *гвоздодёр* ← дёргать гвозди – *живодёр* ← драть шкуру с живых; *рекостав* ← река стоит «замерзание рек, озер, образование сплошного неподвижного ледяного покрова» – *трубостав* ← ставить трубы; *звездочет* ← читать по звездам «устар. Предсказатель и гадатель по звездам; астролог» – *ветрочет* ← учитывать ветер «прибор для определения направления ветра, углов, сносов и скорости движения самолета»;

б) именам существительным: *старожил* ← старый житель «тот, кто живет много лет в одном каком-л. месте» – *трубкожил* ← жилы в виде трубки «морской кольчатый червь»; *водослив* ← слив воды «водосброс, в котором движение воды происходит путем свободного перелива через его гребень» – *тернослив* ← терн и слива «плодовое дерево, являющееся естественным гибридом терна и сливы»;

в) именам существительным и прилагательным: *травополье* «севооборот с периодическим травосеянием на полях для восстановления плодородия почв» ← *трав* + *поле* – *водополье* «разлив реки» ← *вода* + *полюй* ;

г) глаголу и существительному: *водонос* ← *носить* воду – *трубконос* «млекопитающее сем. летучих мышей, ноздри которого расположены на концах направленных в стороны кожистых трубочек» ← *нос* в виде трубки; *ледокол* ← *колоть* лед – *частокол* «забор, изгородь из кольев, жердей и т.п., вбитых в землю близко друг к другу, часто, один подле другого» ← частые *колья*; *меченосец* «то же, что меч-рыба» ← *нос* в виде *меча* – *меченосец* «воин средних веков, вооруженный мечом» ← *носить меч*; *автостоп* «устройство для автоматического торможения и автоматической остановки поезда» ← автоматический *стоп* – *чернотоп* «в речи охотников: осенние холода до выпадения снега, а также дорога, путь, не покрытые еще снегом» ← *ступать* по черному пути; *мясорубка* ← *рубить* мясо – *радиорубка* «голланд. Помещение с приборами управления в дирижабле, на радиостанции и т.д.» ← радио + *рубка*.

3. Композиционная часть одной лексической единицы членится на составляющие морфемы, а композиционная часть другой – не членится: *самочка* ← сама точит (сам + -о- + точ(ить) + -ка) – *радиочка* «установка для приема радиотрансляционных передач» ← радио + точка; *тряпкорубка* ← рубить тряпки – *радиорубка* ← радио + рубка.

4. Второй компонент сложений соотносится по форме с финалией нечленимого заимствованного слова: *клопомор* ← морить клопов – *сикомор* «греч. *sykomoros* – южное плодовое растение семейства тутовых», *солерос* «растущий в соляной почве» – *купорос* «фр. *couperose* – сернокислая соль некоторых тяжелых металлов», *самодур* «тот, кто действует по личному произволу, по своей прихоти, не считаясь с другими людьми» – *трубадур* «фр. *troubadour* – средневековый провансальский поэт-певец», *трубокур* ← курить трубку – *ферлакур* «фр. *faire la cour* – устар. Волокита, ловелас», *общепит* ← общественное питание – *флогонит* «греч. *phlogoros* – спец. Магнезиальная слюда», *самовар* ← сам варит – *элинвар* «греч. сплав из никеля, стали и хрома», *краскотёр* ← тереть краски – *барботёр* «фр. *barboteur* – смеситель», *скидорез* ← резать скирды – *катафорез* «гр. *kataphora* – низвержение», *скотогон* ← гнать скот – *эстрагон* «фр. *estragon* – вид полыни, с большим содержанием эфирных масел, употребляемый в качестве пряности», *живодёр* ← драть с живого – *мародёр* «фр. *maraudeur* – человек, грабящий убитых и раненых на поле сражения; морально разложившийся солдат, грабящий население во время войны» и др.

Осмысление незнакомых заимствований побуждает к поморфемному разложению звукового комплекса, к поиску соответствий в русском языке. Например, иноязычное слово *гидролазы* ассоциативно связывается с *водолазами*. Однако открываем Ветеринарный энциклопедический словарь и узнаем, что «только некоторые ферменты имеют особые названия. Большинство же названий ферментов образуется от названия вещества, на которое данный фермент действует, и окончания "аза". Так, название фермента *амилаза* происходит от "amylum" – крахмал и окончания "аза", фермент *сахараза* – от корня "сахар" и окончания "аза" и т.д.». Освоенное же заимствование носитель языка не подвергает морфемному анализу: *штурвал* (ветро-вал, сено-вал).

Интересные исследования в области оморфемности компонентов сложений проведены на материале украинского языка [Фридрак 1980, 1986]. «Оморфемність може скластися внаслідок збігу іншомовної словотвірної

морфеми з питомою українською або ж із також запозиченою... Омонімічними є компоненти *голо-*: *головусий*, *голослівний* і *голографія* – з грецької ; *горо-*: *горосходжувач*, *гороутворення* і *гороскоп* – з грецької ; *-тека*: *самотека* і *фільмотека*, *фонотека* – з грецької; *літо-*: *літописець*, *літочислення*; *-крат*: виступає у прислівниках *стократ*, *трьократ* і іменниках *плутократ*, *автократ*, *демократ* – з грецької ... Серед оморфем зустрічаються такі, що мають однаковий звуковий склад тільки в певній граматичній формі. Родовий відмінок однини наведеного у Словнику Б. Грінченка слова *дев'ятосил* має кінцеву частину, спільну із складенням *світосила*, а остання частина слова з того самого словника *гуртоправця* збігається з кінцевою частиною родового відмінка однини від *самопращець*» [6, 30 – 31].

Исследование структуры слова актуально для лексикографической практики, например, для составления гнездовых словарей. В Словообразовательном словаре А.Н. Тихонова сложные лексемы подаются в двух гнездах в соответствии с первым и вторым компонентом. Однако эта тенденция не всегда последовательно выдерживается. Так, сложные дериваты *звездочет* («тот, кто читает по звездам») и *ветрочет* («прибор для определения направления ветра, углов сносов и скорости движения самолета») введены в гнезда только в соответствии с первыми компонентами. Лексема *реполов* помещена в качестве сложного слова в гнезде *ловить*. В то же время известна точка зрения О.Н. Трубачева о том, что *реполов* – простое по структуре образование (реп-ол-ов) [7]. Необходимы дальнейшие этимологические изыскания относительно этого слова еще и потому, что в текстах встречается и иное написание. Ср.: «В исполинской клетке в виде короны, обтянутой шелком, кипело сотнями глоток пернатое царство: щеглы, зяблики, жаворонки, *ряполовы*, соловьи, овсянки» (Королев, Гений местности. – Нева. 1990. № 7. - С. 11). «У сучасній лексикографічній практиці питання оморфемності набуває гостроти у зв'язку із запровадженням узагальнюючих статей з особливо продуктивними в творенні складних слів компонентами. Не викликає сумніву, що коли до реєстру вводиться узагальнююча стаття, позначена оморфемністю, то про це слід неодмінно повідомляти» [6, 31 – 32].

Изучение структуры производных слов с точки зрения морфемно-семантической комбинаторики непосредственно связано с теорией восприятия. Носители языка могут по-своему осмысливать, этимологизировать структуру непонятного для них слова. В некоторых случаях предлагается двойное истолкование мотивированности деривата, как например, для композита *водополье* ← от *полая вода* и от *вода в полях*: «Там, на пешехонском тракте, уже началась северная весна, там – *водополье*. "*Водополье!*" – слово-то какое мама невзначай обронила. *Водополье* – полая вода, а можно и по-иному – вода в полях, и тоже хорошо» (В. Дементьев, Лики времени).

О восприятии морфологической структуры слова реципиентами можно узнать в журнале «Русская речь» (раздел «Почта "Русской речи"»). Так, слова *казначей* и *книгочей* читатели воспринимают как сложные, состоящие из двух частей – *казна* и *считать*, *книги* и *читать*. Вот что писал один из читателей журнала "Русская речь" В.В. Котельников (г. Желтые Воды Днепропетровской области): «Если сравнить *казначей* со словом *книгочей*, то можно сделать некоторые выводы. Так, если *книгочей* означает "тот, кто читает книги", то почему бы не быть *казначеем* тем, "кто считает казну"» [8, 116]. Читатель Д.А. Головин (г. Канск Красноярского края) выражает уверенность в том, что «*казначей* – это слово из двух существительных: *казна* – *учетчик*».

И.Г. Добродомов относит эти слова к простым, отмечая, что «последний элемент этих слов –чей не имеет ничего общего с глаголами *счесть – считать*»: «О суффиксе –чей в существительных *казначей, домрачей, сурначей, накрачей, трубачей* можно говорить лишь в историческом плане: суффикс –чей образовался в результате освоения тюркского суффикса –чы(-чи). С современной точки зрения в этих словах следует выделять суффикс –ачей» [8, 117].

В.В. Лопатин и Б.С. Шварцкопф считают, что в слове *книгочей* произошло новое переосмысление, основанное на народной этимологии и вызванное чисто внешним сходством его с такими сложными существительными, как, например, *водолей, мукосей, суховей*, где во второй части – корни глаголов, иногда с чередованиями: «Для глагола читать такое чередование в корне (чит-/чей) невозможно; в этом убеждают существующие сложные слова с корнем глагола читать во второй части – *звездочёт* (буквально: "тот, кто читает по звездам"), диалектно-просторечное *книгочёт* а также древнерусское *книгочетец*, отмеченное в "Подлиннике иконописном" ХУ1 века» [9, 87].

Восприятию лексемы *книгочей* как сложного слова со вторым компонентом, восходящим к глаголу *читать*, способствовала, по-видимому, и единица *книго'чий*. С точки зрения словообразования это производное мотивировано существительным *книга*. Согласно толковым словарям, оно употреблялось в трех различных значениях: 1. Письмоводитель, писец, секретарь или архивариус. 2. Ученый человек, знаток книг, книжник. 3. Любитель чтения книг.

«Вариант *книгочий*, вышедший из употребления уже в начале ХХ века, казалось, нынче прочно забыт, если бы... если бы не попавший в "Орфографический словарь русского языка" в 1956 году и механически повторенный во всех его изданиях (вплоть до 6-го, 1965) *книгочи'й*, этот незаконнорожденный гибрид современной формы *книгоче'й* и старой *книго'чий*. И ошибка "Орфографического словаря" стимулирует на страницах газет и журналов чуждое современному русскому языку употребление» [9, 91]. Ср.: «В редких волосах вокруг лысины деревенского *книгочия* и мудреца, в небритой бороде поблескивает седина» (Е. Дорош, Два дня в Райгороде), «Большой *книгочий* и книголюб, отдававший все свободное время этой благородной страсти, Рябов как никто знал историю русской публицистики от Радищева, Добролюбова, Белинского до Короленко, Глеба Успенского» (Б. Полевой, Силуэты: Не был, а есть!).

Читатель Е.Г. Ромашков соотносит структуру неологизма *пухонос* «горно-алтайская порода коз, дающая высококачественный материал для пуховых платков» с образованием *меринос(мериносы)* «породы тонкорунных овец»: «Слово *меринос* испанское, обозначает мн. число от *мерино*. Но если есть *меринос* – носитель какого-то "*мери*", то почему бы не быть *пухоносу* – носителю пуха?» [10, 115]. В русском языке существует словообразовательная модель сложных слов со вторым глагольным корнем –нос: *эфиронос, крахмалонос, нектаронос, цветонос, медонос* и т.п. Несомненно, что к этой же модели относится и лексема *пухонос* (хотя и обозначает животного) – «приносящий пух». С единицей *меринос(мериносы)* ее сближает один из компонентов семантической структуры – «порода животного», не более. Оснований для словообразовательного сближения слов нет. Предлагаемое осмысление структуры слова опирается на явление народной этимологии: *мери-нос* и *пухо-нос*.

Сложнее обстоит дело с образованием *самоед(ы)*. Некоторые исследователи считают, что этноним происходит из самодийского саамоде – то

есть «подобные саамам», «самообразные». Западные переводчики в самом деле называли восточных тундровых жителей «саамоподобными». Этот термин, который в русском произношении звучал как «самоди», «самоеды», «самоядь», был распространен на целую группу северных народов, говорящих на «самоедских» языках – ненцев, энцев и нганасанов. В Большой Советской Энциклопедии слово рассматривается как калька: *самэ-еднэ* (земля саамов). «До революции ненцев называли *самоедами*. В этом прозвище звучало презрительное отношение к темному, забитому народу, живущему на краю России в несправедливости и неграмотности. И хотя слово это произошло от «*самэ еднэ*» – земля саамов, вкладывалось в него иное понятие» (Советская культура 19 февраля 1983). Какое же? Достаточно широко распространена этимология этого слова, связанная с каннибализмом, – «поедающие себе подобных». Именно эта внутренняя форма слова зачастую актуализируется в художественной литературе. Приведем примеры.

«В российском лексиконе были слова – "самоед", "зырянин", "сарт", "малоросс". Русский язык приказано было считать законным языком всей Российской империи и тех народов, которые жили в империи. Те, которых называли "самоедами", то есть съедающими самих себя, сами себя называли ненцами. Те, которых называли "малороссами" в противопоставление величию "великороссов", сами себя называли украинцами» (Б. Пильняк, Соляной амбар); «Но вот снова зарокотала хрипловатая речь: – "И хожено и вожено не так далече... А известно нам от прадедов чудное – о человецех незнаемых в восточной стране. За Югорьскую землю над морем живут люди, *самоядь* зовомы, мангазеи. А ядь их – мясо оленье да рыба... Да межи собою *друг друга ядят*» (Ф. Пудалов, Лоцман Кембрийского моря).

В русском языке существуют слова *самоед*, *самоедка*, которые по форме совпадают с анализируемыми единицами. Лексемы не описаны в толковых словарях, лишь производное *самоедство* зафиксировано в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой в значении «излишняя самокритичность, недовольство своими поступками, поведением». Следовательно, *самоед* – это «тот, кто излишне самокритичен, постоянно недоволен своими поступками и поведением». Дериваты имеют яркую внутреннюю форму («*есть самого себя*»), которая проецируется на лексическое значение слов, причем компонент «есть» употребляется в переносном смысле – «непрестанно мучить, терзать себя, анализируя свое поведение». Ср.: «– Вы думаете, для меня это так легко прошло – история с Рубахиным. Просто я не дал себе воли это переживать. Я бы пропал. Я *самоед*, я бы *съел себя живьем!*» (А. Володин, Похождения зубного врача); «Одним словом, валий, приятель, женись. Как взглянул на тебя вчера – так и учуял. Жмешься, терзаешься, все *ешь* и *ешь себя*. Что же ты *ешь себя, самоед?*» (Н. Евдокимов, У памяти свои законы, Поляков); «Виктор добивался всего с трудом, в постоянной внутренней борьбе с собой, в длительных размышлениях и противоречиях. Мать звала его *самоедом*» (Г. Серебрякова, Из поколения в поколение).

Таким образом, пока существуют разногласия в этимологии лексемы *самоед* (*самоеды*) «название ненцев и нек. других северных народов», невозможно определить статус лексических единиц – относить их к явлению полисемии или омонимии.

Осмысление словообразовательной структуры слова важно для читателей, постигающих законы художественной речи. В качестве примера приведем имя *Черномор*, которое носят два персонажа сказочных произведений А.С. Пушкина.

Один – из поэмы «Руслан и Людмила» – «волшебник страшный *Черномор*, красавиц давний похититель»; другой – из «Сказки о царе Салтане...» – «старый дядька» тридцати трех богатырей, который «с ними из моря выходит и попарно их выводит». Что значит это имя, какова его внутренняя форма, почему стало именем двух столь разных персонажей? На эти вопросы ответили исследователи В.В. Лопатин и Э.А. Григорян в статье «Три Черномора» [11].

Очевидно, что *Черномор* – сложное слово, которое состоит из двух корней: корня имени прилагательного *черный* и корня *-мор*. Имя дядьки «витязей морских» мотивируется сочетанием *Черное море*: Черномор ← черн(ый) + -о- + мор(е). Следовательно, второй корень композита соотносится с корнем *-мор-* (море) и персонаж из «Сказки о царе Салтане...» назван «морским именем».

Внутренняя форма *Черномора*-волшебника иная. Второй компонент сложного слова связан с однокоренными дериватами – *мереть*, *морить*, *мор*. В толковых словарях лексема *мор* толкуется как «повальная смерть, эпидемия». Ср. сложные единицы гнезда, для семантической структуры которых характерна сема «несущий смерть»: *клопомор*, *крысомор*, *голодомор*, *мухомор* (в 1 знач.). Гнездо пополнилось производными *мухоморка* («липучка для мух») и *мухоморовка* («настойка»). В поэме «Руслан и Людмила» карлик является символом зла и поэтому ассоциируется с «черной смертью».

Таким образом, поэт употребляет два разных имени, вторые компоненты которых формально совпали, но имеют разный смысл вследствие того, что соответствуют паронимическими единицами – *море* и *мор*.

Омоморфность вторых компонентов сложений создает многоплановость художественной речи. В произведении Б. Четверикова «Кривулина» употреблено окказиональное образование *красномолец*, ассоциативно сближаемое с лексемой *комсомолец*: «Как напьется тятка – ноги уноси, Гришук. – Я те, *красномольца*, поймаю! Я те пропишу политграмоту!». Образование *красномолец* может быть осмыслено через синтагму «молиться красному». Отрезок «-молец» соотносится с различными словообразовательными структурами: красн(ый) + -о- + мол(иться) + -ец- и комсомол + -ец-. Производные *водополье* («разлив реки, наступающий в определенное время вследствие таяния снегов, льда, сезонных дождей») и *чистополье* («открытое безлесное пространство») имеют один и тот же графически оформленный второй компонент, однако семантически связаны с различными мотивирующими: *водополье* ← полая вода – *чистополье* ← чистое поле. В произведении Л. Леонова «Петушихинский пролом» лексема *чистополье* употребляется в образном контексте (*чистополье неба*), при осмыслении мотивационных отношений производного возникают ассоциации с композитом *половодье*: «Облака идут бесконечно, белых облаков стада по голубым *чистопольям неба...*».

Явление омоформии и омофонии одного из компонентов композита может быть использовано для построения каламбура: *райгород* ← районный город и *райгород* ← город-рай, *райцентр* ← районный цент и *райцентр* ← центр-рай, *потребсоюз* ← потребительский союз и *потрепсоюз* ← потрепаться + союз, скатерть-самобранка ← сама берет и *самобранка* ← сами бранятся и др.

Ср.: «Самое название "*райгород*" и "*райцентр*" дает богатую пищу для шутников и зубоскалов. Они называют их "*райскими городами*" и "*райскими центрами*" и острят по поводу того, что в этих городах мало признаков земного *рая*» (Паустовский, Городок на реке); «В *райжилуправление* я ходила. *Рай. Жил.* Кто придумал...» (Н.Никонов, Весталка); «Фомич прочел вслух вывеску над ларьком:

"Потребсоюз" и сказал: "Нет, это *потребсоюз*"» (Б. Можаяев, Живой); «Конечно, к слову "самобранки" так и хочется добавить – "скатерти". Тем более что речь идет о вагонах-ресторанах. Но откуда же в этих заведениях взяться скатертям-самобранкам? Сроду их там не было. Зато шумливые *самобранки* (от слова "брань") из числа обслуживающего персонала в вагонах-ресторанах – не редкость» (Крокодил. 25. 1982).

Таким образом, исследование комбинаторики сложных слов связано с вопросами лексической семантики, словообразования, имеет выход в лексикографическую практику и психолингвистику, актуально для художественной речи.

Литература:

1. Ахманова О.С. Словарь омонимов русского языка. – 3-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1986. – 448 с.
2. Кикинежди Т. Г. Особенности формирования полисемии сложных существительных // Словосочетание, словосложение и аффиксация как способы словообразования. – Владивосток: ДВО АН СССР, 1990. – С.141 – 151.
3. Соколов О.М. О комбинаторном сопоставлении морфем в рамках лексических единиц // Учен. зап. Томск. ун-та. – № 75. – Томск, 1969. – С. 78 – 92.
4. Виноградов В.В. Об омонимии в русской лексикографической традиции // Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. – С.288 – 294.
5. Виноградов В.В. Об омонимии и смежных явлениях // Вопросы языкознания. – 1960. – № 5. – С. 3 – 17.
6. Фридрак В.Б. Складне слово і омонімія // Культура слова. – Киев, 1980. – В. 19. – С. 27 – 32.
7. Трубачев О.Н. Славянские этимологии // Этимология, 1964.– М.,1965.– С.3–12.
8. Добродомов И.Г. Еще раз о казначее, а также о трубачее // Русская речь. – 1967. – № 5. – С. 116 – 117.
9. Лопатин В.В., Шварцкопф Б.В. Книгочей // Русская речь.–1968.–№2.–с.86 – 91.
10. Еже один член семейства // Русская речь. – 1969. – № 6. – С. 115 – 116.
11. Лопатин В.В., Григорян Э.А. Три Черномора // Русская речь.– 1985.– №1 С.124–131.
12. Фридрак В.Б. Принципы лексикографической интерпретации именных композитов современного украинского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Киев, 1986. – С. 20.
13. Ветеринарный энциклопедический словарь. – М.: Государственное изд-во сельскохозяйственной литературы, 1951. Т. 2.
14. Обратный словарь русского языка. – М., 1974.
15. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: АЗЪ, 1995.
16. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1981 – 1984. – Т. 1 – 4.
17. Словарь современного русского литературного языка. – М., Л.: АН СССР, 1950 – 1965. – Т. 1 – 17.
18. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1985. – Т. 1 – 2.
19. Чеботарев А.И. Гидрологический словарь. – Л.: Гидрометеиздат, 1978.